

Т. Г. Румянцева

И. КАНТ, Э. СВЕДЕНБОРТ
И МЕТАФИЗИКА
СВЕРХЧУВСТВЕННОГО

Представлена полемика между двумя выдающимися людьми своего времени – И. Кантом и Э. Сведенборгом, шведским мыслителем, ученым, инженером и поэтом, который, однако, остался в памяти человечества главным образом как последний христианский мистик и «король духовидцев». Показано, что творчество Э. Сведенборга стало для И. Канта хотя и важным, но все же только поводом для осмысления серьезных философских вопросов, касающихся природы и границ человеческого познания – главной проблемной области метафизики.

The article is devoted to the dispute between two eminent people of the time – I. Kant and E. Swedenborg, a Swedish philosopher, scientist, engineer and poet, who, however, remained in the memory of humanity, mainly as the last Christian mystic, and the "King of visionaries." It is shown that, although E. Swedenborg's oeuvre was important for I. Kant, it was only a trigger for scrutinising serious philosophical questions pertaining to the nature and limits of human knowledge – the main area of concern of metaphysics.

Ключевые слова: И. Кант, Э. Сведенборг, «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики», духовные сущности, метафизика сверхчувственного, наука о границах человеческого разума.

Key words: I. Kant, E. Swedenborg, "Dreams of Visionary, Explained by the Dreams of Metaphysics", spiritual beings, metaphysics of supersensible, the science of the limits of human reason.

В 1766 г. Кант анонимно опубликовал работу под названием «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики». Направленная против шведского мистика Сведенборга (1688–1772), она представляла собой не просто радикальную критику, а, скорее, язвительный разбор как его теоретических взглядов, так и его мистической практики. С этой работой тесно связан еще один, совсем небольшой текст – письмо Канта к фрейлейн Шарлотте Амалии фон Кноблох, также целиком посвященное Сведенборгу и некоторым подробностям, касающимся непосредственно его «общения» с духами. Обычно его датируют более ранней, чем «Грезы духовидца», датой – 10 авгу-

ста 1763 г. Хотя на этот счет биографы Канта высказывали и продолжают высказывать различные точки зрения, что обусловлено главным образом неразборчивостью числа и года его написания самим Кантом. Многие ссылаются здесь на К. Фишера, который настаивал, что письмо датировано именно 1763 г. Хотя советский исследователь А. Гулыга полагал, что письмо к фрейлейн Кноблех нельзя относить к 1763 г., даже несмотря на то, что именно эта дата фигурирует в Полном собрании сочинений Канта [1, с. 77]. И это не праздный вопрос: ведь именно обращение госпожи Кноблех с просьбой, чтобы Кант дал оценку деятельности Сведенборга и разъяснил, насколько правдоподобны ходившие в обществе рассказы о его общении с душами умерших, стало своего рода поводом для обращения философа к подробному изучению трудов шведского мистика. В данной статье мы попытались, однако, выявить более глубокие истоки кантовского интереса к творчеству Сведенборга и показать, что оно оказалось тесно связано с теми философскими поисками, к которым Канта привело его собственное внутреннее развитие.

В указанном письме философ еще не высказывал резких суждений по поводу «теории и практики» Сведенборга, и можно утверждать, что он вряд ли сомневался тогда в достоверности как его способностей, так и многочисленных историй о них. В том, что Кант поначалу поверил в правдивость рассказов о Сведенборге, нет ничего удивительного. Даже во времена Шпенглера, а это будет почти через полтора века после описываемых нами событий, в Германии были широко распространены все разновидности мистики и ясновидения. Однако, как утверждает Гулыга, уже в 1762 г., т.е. за год до официально приписываемой письму к фрейлейн Кноблех дате, философ «решительно усомнился в существовании духов» [1, с. 77] и резко поменял тон своих высказываний как о Сведенборге, так и о мистике вообще. Поэтому, на его взгляд, текст письма должен отражать воззрения Канта куда более раннего времени (не 1763 г.!) и что прав здесь не Фишер, а первопубликатор письма Боровский, который считал, что оно написано, скорее всего, в 1758 г. И это, на наш взгляд, более правдоподобно, учитывая логику последующих рассуждений немецкого философа.

Обратимся к истории создания «Грез духовидца». Как уже указывалось, философ издал ее анонимно. Сегодня трудно доподлинно ответить на вопрос о том, почему он сразу не признался в своем авторстве. По этому поводу можно строить лишь различные догадки и предположения. Во-первых, во времена Канта это было достаточно распространенной практикой. К примеру, именно так, анонимно, вышла в свет в 1792 г. первая печатная работа И.Г. Фихте — «Опыт критики всяческого откровения», которая во многом благодаря этой анонимности и стала философским бестселлером. Случай с Фихте при этом вовсе не единственный в немецкой философии и литературе. Во-вторых, к 1763 г. Кант стал уже достаточно известным автором, причем, не только в научных кругах Германии, где его воспринимали, и, надо заметить, вполне оправданно, как чрезвычайно серьезного, основательного и самостоятельного мыслителя. Так, о нем, в частности, отзывался в своей рецензии на его книгу «О единственно возможном основании доказательства бытия Бога» (1763) М. Мендельсон. По мнению Э. Кассирера, именно в это время Канта начинают относить к ведущим умам Германии, более того, в нем видят теперь будущего творца новой метафизической

системы, к разработке которой его и призывал в уже упомянутой рецензии тот же Мендельсон [4, с. 70—71]. К этому времени из-под пера Канта кроме вышеуказанной работы вышли: «Новое освещение первых принципов метафизического познания» (1755), «Применение связанной с геометрией метафизики в философии природы» (1756), «Новая теория движения и покоя» (1758), «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762), «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763) и др. По всем признакам современники ожидали от него уже тогда, а не через долгие полтора десятка лет, фундаментальный труд, в котором бы он всерьез взялся за метафизику и разработал ее новую теорию. Кант же издал книгу, которая, по мнению многих авторов, и по своей литературной форме, и по своему стилю нарушала все традиции тогдашней научно-философской литературы. Его «Грезы духовидца» представляли собой скорее аналог «полезной беседы», чем результат тяжелого умственного труда, доступную здравому человеческому смыслу и раскрепощенную «игру мысли», нежели глубокое научное изыскание. Стиль здесь и в самом деле ажурный в исполнении и легкий в восприятии. Даже название работы заставляло усомниться в том, что она действительно написана серьезным ученым. Кажется, что, вместо того чтобы поставить под сомнение многие теоретические положения старой метафизики, автор книги «с юмористическим превосходством обыгрывает все ее понятия и делания, дефиниции и различия, категории и цепи логических умозаключений» [4, с. 71]. Работа полна сатирической необузданности, насмешек, иронии и шуток. Как знать, может именно из-за этого Кант и не поставил своего имени на ее заглавной странице, прекрасно сознавая, с каким непониманием и даже недоумением будет воспринято это эссе даже самыми благорасположенными его критиками. Хотя, как часто указывается в примечаниях к данной работе, размещенных и в русскоязычных, и зарубежных изданиях его сочинений, само авторство немецкого философа было достаточно скоро раскрыто.

Что касается так называемой «внешней истории работы», то она тоже достаточно интересна. Чтобы ее осветить, следует проанализировать письмо философа к уже ранее упомянутой фрейлейн Кноблех, в котором Кант и описал подробно то, как, когда и почему он впервые обратил внимание на чудеса, совершаемые «духовидцем» Сведенборгом. Более того, здесь же он написал и о том, что, собственно говоря, буквально вынудило его глубоко вчитаться в главный труд шведского мистика под названием «О небесах, о мире духов и об аде». Кант объясняет здесь свой интерес к Сведенборгу тем, что не мог не «исполнить повеление дамы», что он собирал подробные сведения по данному вопросу и после всего этого приступает к своему рассказу, которому, однако, предшествовала «тщательная проверка». В самом начале письма философ сообщает «просвещенной женщине», что вряд ли кто-нибудь замечал в его характере склонность к вере в чудеса или легкое верие, что вопреки всем рассказам о видениях и о действиях мира духов, он всегда старался следовать здравому смыслу, склоняясь в сторону отрицания такого рода вещей. При этом он прекрасно осознавал тот факт, что наука очень мало знала в те времена о природе духа, да и сам он не мог с очевидностью утверждать, что ему лично ясна и понятна возможность или невозможность такого рода явлений. Все эти рассказы показались ему недостаточно доказанными, более того, непостижимыми и бесполезными; в них

легко обнаружить обман, и потому Кант посчитал «излишним для себя проводить тоскливые часы на кладбище или во мраке». Именно в таком душевном состоянии он и находился, пока не познакомился с историей господина Сведенборга. Кант сообщает далее в письме, что датский офицер, который рассказал ему эту историю, сам узнал о ней в Копенгагене из письма барона Лютцова. Тот же, в свою очередь, услышал ее во дворе шведской королевы, и потому ему было чрезвычайно трудно допустить обман в присутствии столь избранного общества. Философ решил ближе познакомиться с этой историей и написал упомянутому офицеру в Копенгаген, поручив тому собрать все возможные подробности. После этого было отправлено еще одно письмо — уже самому г-ну Сведенборгу, который, как передали Канту, принял его благосклонно и обещал ответить, хотя ответа так и не последовало. Лишь позднее Сведенборг сообщит, что даст подробный ответ в своей книге, которая в самое ближайшее время будет издана в Лондоне. Однако Кант и на этом не успокоился и попросил одного «очень приличного» англичанина во время его поездки в Стокгольм собрать еще более точные сведения относительно дара господина Сведенборга творить чудеса и общаться с невидимым миром духов. Тот и передал ему историю по крайней мере о двух таких происшествиях, так как он имел возможность проверить их на месте, апеллируя к свидетельствам многочисленных и все еще здравствующих очевидцев. Здесь имеется в виду известный случай со вдовой ювелира, которой Сведенборг помог отыскать нужную квитанцию, побеседовав якобы с духом ее покойного мужа, и предсказанный им стокгольмский пожар, сведения о нем полностью подтвердились буквально через несколько дней.

Размышляя о достоверности этого последнего происшествия, Кант пишет, что приятель рассказал ему «о способе, каким господин Сведенборг общается с духами и изложил его идеи о состоянии душ умерших» [2, с. 360]. При этом он сожалеет, что сам не может встретиться с этим удивительным Сведенборгом, и потому ему остается лишь с нетерпением ждать выхода его книги. В завершающей части письма Кант весьма скромно и с обилием церемоний в духе эпохи интересуется у фрейлейн Кноблох о том, хочет ли та знать его мнение об этом щекотливом деле. Но он так его и не высказывает, ограничиваясь ссылкой на то, что и таланты гораздо более крупные, чем он, могут тут «установить мало достоверного». На этом история на тему «Кант и Сведенборг» явно не заканчивается. Ясно, что просьба фрейлейн Кноблох, как бы галантно Кант ее не обыграл, не может быть воспринята нами всерьез, когда речь заходит о причинах его интереса к шведскому мистику. Обратимся за ответом к тексту введения к «Грезам духовидца», в котором Кант, как кажется, и дает нам этот ответ, когда пишет: «С некоторым смирением он признает, что таким образом он искренне хотел доискиваться правды в некоторых рассказах упомянутого рода. Он нашел, как это всегда бывает, когда искать нечего... он не нашел ровно ничего. Такой результат уже сам по себе служит достаточным основанием для того, чтобы написать книгу. Сюда прибавилось еще одно обстоятельство, не раз вынуждавшее скромных авторов сочинять книги, а именно неотступные просьбы знакомых и незнакомых друзей. Кроме того, была куплена толстая книга и — что еще хуже — книга была прочитана: труд этот не должен был пропасть даром. Таково происхождение настоящего сочинения» [3, с. 294].

Однако истоки кантовского интереса лежали гораздо глубже. Вряд ли бы он столь подробно занялся Сведенборгом, если бы то, что он в нем нашел, не оказалось в удивительной для него самой связи с основным философским вопросом, к которому его привело собственное внутреннее развитие. Сведенборг стал для Канта своего рода «карикатурой любой метафизики сверхчувственного». Фантастические видения шведского мистика он, по сути, приравнял к «воздушным замкам в мире идей», т. е. теоретическим системам, воздвигаемым современными ему метафизиками. Об этом свидетельствует и сам текст первой, так называемой «догматической» части работы, в которой философ ни разу даже не упоминает имени Сведенборга, целиком посвящая ее критике тогдашней метафизики. Для Канта фактически нет существенной разницы между воображением духовидцев-визионеров и системами философии наиболее популярных тогда метафизиков в лице Вольфа и Крузия, которые, как пишет он, построили свои учения «не столько из эмпирического материала, сколько хитростью приобретенных понятий» [3, с. 320–321]. Вместо того чтобы апеллировать к данным опыта и познавать «*здесьшний мир*», они «прилежно и сосредоточенно направляют свои метафизические стекла на те отдаленные миры и умеют рассказывать нам о них разные чудеса», ссылаясь исключительно на сверхчувственные данные и факты [3, с. 320]. Вся разница между теми и другими состоит для Канта лишь в том, что метафизики — это «сновидцы ума», или «грезящие в области разума», а духовидцы — «сновидцы чувств», или «грезящие в области ощущений», вступающие в сношения с духами, и притом на тех же основаниях, что и первые. При этом никакая, даже самая искусная архитектоника построения не может, по Канту, возместить недостаток «строительного материала». Он полагает, что и те и другие видят то, что не видит ни один другой здоровый человек, и имеют общение с существами, которые никому другому себя не открывают, какими бы острыми чувствами он не обладал. Такого рода явления он сводит к чистой игре воображения и называет *грезами* — откуда и название работы. Грезы же, по Канту, — это субъективно измышленные образы, которые обманывают чувства, представляясь как бы действительными предметами. Конкретизируя дальше различия между метафизиками и духовидцами, философ называет первых «бодрствующими сновидцами», которые настолько углубляются в вымыслы и химеры своего богатого воображения, что мало вообще обращают внимания на свои чувственные восприятия и вовсе не занимаются точнейшей и терпеливейшей проверкой этих своих «данных» в опыте. Духовидцы же наяву и часто при исключительной яркости других ощущений относят те или иные предметы в места, занимаемые другими внешними вещами, которые они действительно воспринимают, а затем перемещают этот свой обман воображения вовне себя. Канту непонятно, каким путем душа ставит эти свои внутренние образы в совершенно другое отношение, перемещает их куда-то *вне* человека и превращает в предметы, возбуждающие в ней действительные ощущения. Во всем этом ему видится не более чем обман. Поэтому он и призывает своего читателя не считать этих духовидцев «наполовину принадлежащими какому-либо иному миру, а записать их в кандидаты на лечение в больнице» и избавить себя от всякого дальнейшего исследования всех этих связанных с миром духов проблем. И если прежде такого рода адептов мира духов считали нужным иногда предавать *сожжению*, то теперь, с юмором пишет он, совершенно достаточно дать им *слаби-*

тельного. Это, по Канту, гораздо более эффективное средство, чем при помощи метафизики отыскивать какие-то тайны в воспаленном мозгу всех этих фантазеров. И уж совсем сбиваясь на шутивно-иронический, если не сказать хулиганский, тон, он ссылается на слова некогда весьма популярного героя одноименного сатирического стихотворения английского роялиста Сэмюэля Батлера *Гудибраса*: «Когда ипохондрический ветер гуляет по нашим внутренностям, то все зависит от того, какое направление он принимает: если он пойдет вниз, то получится неприличный звук, если ж он пойдет вверх, то это видение или даже священное вдохновение (курсив И. Канта)» [3, с. 328].

Главную причину того, что рассказы о духах, «состоящие из одного только воздуха на чаше умозрений», приобрели всеобщее доверие в обществе, Кант усматривает в той «обольщающей надежде», что каким-то образом человеческая жизнь может продолжаться и после смерти. Однако вопросы о духах, а именно каким образом они присутствуют в этом мире и как нематериальное существо может действовать в теле и через него, по Канту, находятся вне сферы компетенции науки. Именно поэтому он и не позволял себе что-либо говорить о таких вещах, как и о загробной жизни вообще. Он считает свое исследование вполне исчерпывающим все философские усмотрения по данной теме, т.е. по вопросу о духовных сущностях; более того, он полагает, что, сколько бы самых различных мнений не приводилось об этом впрямь, люди никогда не смогут *узнать* здесь ничего больше. В природе, с точки зрения Канта, вообще нет доступного нашим чувствам предмета, о котором мы могли бы когда-нибудь сказать, что наше наблюдение или разум его целиком и полностью *исчерпали*, потому что природа беспредельно разнообразна, а человеческий ум, увы, ограничен.

Однако учение о духовных сущностях, по мнению Канта, как раз-то и можно завершить, но только в *отрицательном* смысле. Он имеет в виду здесь то, что существуют четкие границы нашего понимания этого мира, единственно, что нам дозволено познать, — это разнообразные явления жизни в природе и их законы. Что же касается самого принципа этой жизни, т.е. духовной природы, о которой ничего не знают, а только строят предположения, то о ней вообще нельзя мыслить положительно. Для этого у нас нет никаких данных во всей системе наших ощущений; наш разум совершенно лишен здесь какой-либо опоры на опыт и на умозаключения и покоится исключительно на выдумке. Кант полагает, что вопрос о духах, представляющий обширную часть метафизики, им окончательно решен и возвращаться к нему нет никакой необходимости. Поэтому он несколько «суживает» план своего исследования и надеется приложить свое разумение уже к другим предметам, чтобы не расточать напрасно свои и без того небольшие силы на легкомысленные предположения.

Лишь во второй — исторической — части «Грез духовидца» он обращается к фигуре господина Сведенборга, пересказывая ранее упомянутые в письме к фрейлейн фон Кноблох истории о видениях шведского мистика. Он использует их в качестве примеров, призванных продемонстрировать «праздный» характер вопросов, с которыми часто сталкивается философия. Речь идет, в частности, о таких ситуациях, когда кое-что она не может *безнаказанно* подвергать в них *сомнению*, а кое-чему она не может *верить*, не подвергаясь в то же время осмеянию. Оба затруднения равно имеют место именно тогда, когда речь заходит о широко распространенных в обществе рассказах о духах. И хотя ни одна академия наук, считает он, никогда не

решился объявить премию за сочинение на подобную тему, таким рассказам все равно тайно верят.

Характеризуя род занятий Сведенборга, Кант иронически замечает, что тот, «по его словам, уже больше двадцати лет состоит в самых тесных сношениях с духами и душами усопших, получает от них сведения из того мира и делится с ними сведениями из этого мира, сочиняет толстые книги о своих открытиях и время от времени ездит в Лондон, чтобы обеспечить их издание» [3, с. 333], и добавляет, что этот первый духовидец среди всех духовидцев, несомненно, является «первым фантазером среди всех фантазеров». Далее немецкий мыслитель задается вопросом о том, что же могло побудить его самого заняться таким презренным делом, как распространение слухов и сказок, которые вряд ли благоразумный человек вообще способен выслушать до конца и уж тем более включить в текст серьезного философского исследования. Здесь мы и приближаемся наконец к ответу на вопрос об истинной причине, вынудившей Канта изучить труды Сведенборга. Кант апеллирует здесь к той философии и ее системам, разбору которых он посвятил первую часть своего исследования. Он называет ее точно такой же «сказкой из страны чудес метафизики», как и те, что распространяются вокруг имени Сведенборга, и потому не видит ничего неприличного в том, чтобы «представить обе эти сказки вместе». Для него нет существенной разницы в том, чем быть обманутым — слепой верой в мнимые доводы разума (когда речь идет о метафизике сверхчувственного) или неосторожной верой в ложные рассказы о Сведенборге и его царстве духов. Кант говорит о необычайной слабости человеческого рассудка и одновременно его любознательности, что неизменно приводит к тому, что вначале истина и ложь принимаются без разбора. К числу такого рода нелепостей наряду с историями о духах он называет «симпатию, волшебный жезл, предчувствия, действие силы воображения у беременных женщин, влияние фаз луны на животных и растения и т.д.» [3, с. 336]. Несмотря на заметность границы между истиной и ложью, глупостью и разумностью, постепенно, полагает Кант, «понятия все более очищаются, малая часть из них остается, а остальное отбрасывается как мусор». Далее, опять же с некоторой долей насмешки и иронии, он приглашает всех тех, кому эти рассказы о духах кажутся важными, тем более если у них к тому же «нет дела лучше и есть много денег», отважиться вместе с ним проверить все эти измышления. Он подвергает тщательному анализу содержание огромного сочинения Сведенборга, состоящего из восьми томов, которое тот под названием «*Arcana coelestia*» («Небесные тайны») предлагает миру как новое откровение. При этом Канта мало волнуют видения шведского мистика, которые тот использует для раскрытия тайного смысла первых двух книг Моисея или для такого же толкования Священного писания. Философ останавливается только на тех фрагментах сочинения Сведенборга, которые непосредственно касаются того, что тот видел собственными глазами и слышал собственными ушами. Материал такого рода располагался по преимуществу в приложениях к отдельным главам сочинения шведского мистика. В этих приложениях Кант усмотрел благодатный материал, который очень близко связан с его *критикой метафизики сверхчувственного*. Он не был склонен при этом относить рассказы Сведенборга к умышленному обману; для него это был скорее результат какого-то «*фантастического созерцания*». Поэтому он считает важным для себя сделать из них важные извле-

чения. Толково изложенный обман чувств становится для Канта гораздо более интересным явлением, чем какие-то «заблуждения ума безмозглых резонеров», причины которых не только достаточно известны, но и сравнительно легко могут быть устранены за счет обуздания пустого любопытства. В силу же того, что именно на чувствах, по Канту, основывается всякое суждение, то перед их ошибками законы логики бессильны. Так, даже мнимый опыт видений Сведенборга оказался для него вещью куда более поучительной, нежели мнимые доводы разума. Из всех этих «видений» он анализирует те, которые бывали у Сведенборга почти каждый день и на которых и были построены его рассказы о духах. И хотя все люди, по Сведенборгу, так или иначе связаны с миром духов, однако только у него *внутренний мир раскрыт*, и потому душа его находится в постоянной связи с миром духов.

После достаточно пространных изложений представлений Сведенборга Кант настаивает на бесплодности приводимого им текста и недоказуемости видений шведского мистика. Историческая часть кантовских рассуждений заканчивается попыткой оправдаться перед читателями, чтобы те не судили его строго за выбор столь неблагодарной темы. Однако Кант не был бы Кантом, если бы при этой работе он не преследовал другой, более важной и, несомненно, единственно подлинной цели. И он не без гордости утверждает, что достиг ее. Такой целью стала для него *метафизика*, которая и составляла суть всей его философской работы. Так, уже задолго до «Критики чистого разума» он пытается осмыслить многие проблемы метафизики, настойчиво проводя мысль о необходимости интеллектуальной проверки ее основных положений. Для реализации этой цели ему во многом и послужит творчество Сведенборга. В резкой, сатирической форме обыгрывая традиционные понятия, дефиниции и цепочки логических умозаключений тогдашней метафизики, он иронизирует по поводу метафизических поисков сверхчувственного мира в трудах шведского мистика.

Сам Кант пишет о «двух родах пользы», которые принес ему этот труд о Сведенборге. Первая — решение задач, которые «ставит любознательный человек, когда он разумом пытается вывести у вещей их тайные свойства. Но результат слишком часто обманывает здесь надежду, как ускользнул он и на этот раз из наших рук, жадно простертых» [3, с. 348]. Вторая польза от метафизики более соответствует природе человеческого ума и заключается в том, что «она следит за тем, исходит ли задача из того, что доступно знанию, и каково отношение данного вопроса к приобретенным опытом понятиям, на которых всегда должны быть основаны наши суждения». В этом смысле метафизика ассоциируется у Канта с *наукой о границах человеческого разума*. И хотя философ прекрасно понимает, что в данном сочинении он еще не обозначил с точностью этих границ нашего познания, но определенные наметки в этом направлении уже были им сделаны: решительно избавил читателя от тщетных поисков ответов на вопросы в другом, т. е. потустороннем мире духов, рассеял ложные иллюзии и пустое знание, освободив тем самым место для мудрости и полезных наставлений. Здесь Кант с юмором ссылается на сходство сложившейся ситуации с той, которая согласно молве приписывалась когда-то древнегреческому философу Диогену, якобы сказавшему своим зевающим слушателям при виде последней страницы одной скучной книги: «Смелей, господа, я вижу берег» [3, с. 349]. Припомнил он здесь и другого величайшего мыслителя древности — Де-

мокрита, который, как и читатели Канта до знакомства с его книгой о Сведенборге, блуждал в пустом пространстве, куда он вознесся на *крыльях мотыльков* метафизики и развлекался там духовными видениями. Теперь же кантовская «*вяжущая* сила самопознания» подрезала эти шелковые крылышки, благодаря чему и произошло возвращение «на низкую почву опыта и здравого смысла», которую ни в коем случае нельзя покидать безнаказанно.

В так называемом «практическом выводе из всего сочинения» Канта содержится ряд положений, для обоснования которых и был написан текст работы. Познакомившись с ними, лишней раз убеждаешься, что действительно фигура Сведенборга стала для Канта только поводом для осмысления куда более важных философских вопросов. Тем не менее именно благодаря этому анализу Кант сумел наиболее убедительно, образно и в категоричной форме выразить давно созревшие в его уме положения относительно *природы и границ человеческого познания*, что, по его мнению, и составляет главную проблемную область метафизики. Чрезвычайно актуально, на наш взгляд, звучат сегодня его выводы о том, что настоящий ученый должен не просто удовлетворять *всякую* любознательность, но и уметь ставить пределы жажде человеческого познания там, где начинается невозможное. Перед человеком и человечеством, по Канту, всегда возникает множество задач, и истинная мудрость заключается как раз в том, чтобы выбрать из них именно те, которые важны для людей. Зрелый, обладающий опытом разум должен знать не только то, без чего человечество прекрасно может обойтись, но и невозможное. Философ имеет в виду здесь то, что подлинная наука должна уметь определить *границы*, установленные ей природой человеческого разума, только тогда она и станет истинной спутницей мудрости. Сегодня же, полагает Кант, она еще от этого бесконечно далека, так как многие продолжают придерживаться той точки зрения, что следует постоянно и без разбора расширять наши знания, тем более что это доставляет удовольствие, приводит в движение все силы ума и «своей возвышенностью вовлекает человека в состязание умозрения, мудрствующего без разбора, решающего, поучающего или опровергающего, как это всегда бывает с мнимым глубокомыслием» [3, с. 350]. Кант же полагает, что настоящее философское исследование, признающее не только предметы, но и их отношение к человеческому рассудку, сразу суживает границы нашего познания и «устанавливает рубеж, который никогда больше не позволяет исследователю выйти из свойственной ему области».

Так и в случае со Сведенборгом Канту понадобилась философия для того, чтобы показать все те трудности, которые возникают всякий раз, как только исследование вступает в область познания, находящуюся вне кругозора человека. Четко определяя круг задач и компетенции философии, мыслитель сводит их к разгадке ряда сложных явлений и к вещам более простым. Все же основные понятия о вещах должны браться только из опыта, иначе они не смогут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Если же мы будем опираться только на вымыслы и так называемый «мнимый опыт», который нельзя согласовать с законами человеческого восприятия этого мира, то такого рода опыты не имеют доказательной силы, поэтому и не будут служить основанием для законов нашего опыта. Потому-то во всех тех случаях, которые Кант рассмотрел применительно к «делу Сведенборга», никакое «убеждающее и философское уразумение *невозможно*». Но, по

Канту, оно и не нужно. Хотя он прекрасно понимает, что всегда будут существовать те, кто будут «трубить о важности исследования природы души, так как, по их мнению, это даст хорошие доказательства в пользу идеи о существовании загробной жизни». Для них эта уверенность является лишь побудительным мотивом к добродетельному поведению в этом мире. Но для него такой подход к нравственности будет всегда невозможным: он не может считать добродетельными тех, кто лишь из-за страха перед наказанием в будущей жизни не предается своим любимым порокам и преступным наклонностям здесь, в этой жизни. Такие люди, хотя и боятся греха, любят не саму добродетель, а ту выгоду, которую приносит добродетельное поведение. Конечно, человек всегда будет надеяться на то, что жизнь не заканчивается со смертью, но, по Канту, гораздо целесообразнее, чтобы «основывать ожидание будущего мира на чувствах благородной души, нежели, чем связывать добродетельное поведение с надеждами на загробную жизнь». Что касается будущей судьбы всех честных людей, то она, с точки зрения немецкого мыслителя, очень мало связана с теми отдаленными материями, о которых говорилось в этой книге. Разум человека просто не может пробиться в тайны сверхчувственного мира, поэтому всем тем, кого волнуют эти материи, философ опять же иронически советует немного потерпеть, пока они сами туда не попадут. Кант завершает свой труд словами Вольтера, который, учитывая, что судьбы людей в этом мире в определенной мере зависят от того, как они действовали в мире земном, призывал людей «возделывать свой сад» в заботах о будущем счастье [3, с. 355].

Список литературы

1. Гулыга А. В. Кант. М., 1977.
2. Кант И. Письмо о Сведенбоге к Фрейлейн Шарлоте фон Кноблох // Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 2.
3. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 2.
4. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997.

Об авторе

Румянцева Татьяна Герардовна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, TR30@mail.ru

About author

Prof. Tatyana Rumyantseva, Department of Philosophy of Culture, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University, TR30@mail.ru